

Предисловие

*Дело Америки в значительной мере
является делом всего человечества.*

Томас Пейн [Малиа 2015: 189]

Первый раз я побывал в США в 2011 г. Так совпало, что 7 ноября, в День Октябрьской революции, я посетил в Нью-Йорке Остров свободы. Смотри на Манхэттен, подумал, что Россию отличает от США. Мне пришло в голову тогда, что для американцев не существует таких проблем, как у нас: как относиться к Октябрьской революции, Сталину или Ельцину. Американцы — прагматичный народ, они не тратят время на саморефлексию, они действуют, как подсказывает экономическая теория, — не пытаются возместить уже понесенные издержки (*sunk costs*), их внимание устремлено в будущее. Историческая память для них имеет не такое значение, как для россиян, которые, кажется, застряли в прошлых проблемах¹. За последующие годы многое изменилось и в США, и в моих представлениях об этой стране.

Тогда, в 2011 г., я вряд ли мог представить, что напишу книгу об истории экономики и экономической мысли в США. Изменилось ли мое мнение по этому вопросу в конце проекта? Читатель сможет узнать ответ на страницах настоящей книги.

¹ Конечно же, как и многим другим народам, американцам свойственна рефлексия по поводу своей исторической памяти, но, в отличие от других, они являются большими прагматиками, не зацикливаются на старом, а идут дальше. Однако, как показали события 2020 г. (выборы президента, COVID), американцы тоже эмоционально реагируют на свои прошлые проблемы (рабство, Гражданская война, Великая депрессия).

Значение истории США

Почему история США имеет значение не только для американцев? Ответ напрашивается сам собой. Потому что она демонстрирует нам важнейшие уроки Всемирной истории. История США — это история успеха, история того, как крохотная по нынешним размерам страна, состоящая из тринадцати штатов, еще недавно бывшая колонией, превратилась за крайне незначительный промежуток времени в сверхдержаву с наиболее развитыми промышленностью, финансовой и правовой системами в мире. В культурном отношении США продолжают воздействовать на массовую культуру, порождая подражателей по всему миру. История США до сих пор вдохновляет многие страны на собственную модернизацию. И хотя это не только летопись успехов, мы видим, как трудолюбие, амбиции и вера в свою особую миссию способны перевернуть мир. Может быть, в этом и состоит пресловутая «американская загадка»? Может быть, секрет модернизации довольно прост и «американская модернизация» — пример того, как можно избежать многих ловушек модернизации?

Увы, Америка сама часто попадала в такие ловушки, об этих периодах истории США мы будем подробно говорить. Однако за периодами кризиса и дезориентации приходили вновь и вновь периоды национального подъема и экономического прогресса. Далеко не каждая страна может похвастаться тем, что выходила из кризисов более сильной и амбициозной. XX в. стер с лица земли многие страны и режимы, которые не смогли справиться с вызовами времени. Америка смогла с ними справиться. И хотя сейчас не лучшие времена для США и в политическом и экономическом отношении, Америка продолжает, пусть и в меньшей степени, стоять на принципах, сформулированных отцами-основателями США. И если США суждено испытать новое возрождение, то оно неизбежно будет связано с этими принципами: ведь именно Конституция, а не нация или класс, и есть те самые «кровь и почва» американского народа.

Английский историк и автор фундаментальной «Истории американского народа» Пол Джонсон в 1997 г. писал о значении американской истории для других стран и народов: «Возникновение Соединенных Штатов Америки является величайшим событием в истории человечества. Никакая другая страна не дает таких поразительных

уроков такой огромной значимости как для самих американцев, так и для остального мира. Эти уроки продолжают даваться вот уже четыре столетия, и когда мы вступим в новое тысячелетие, нам понадобится заново осмыслить их, поскольку, если мы будем способны усвоить эти уроки, все человечество окажется в выигрыше»² [Johnson 1997: 3]. Верно и обратное, забвение этих уроков приведет к проигрышу для всего человечества.

За последующие 25 лет после выхода в свет книги Джонсона эти уроки не только оказались основательно забытыми, но и сама история США превратилась в поле политической борьбы: вместо исследования прошлого стала господствовать идея, что история должна доказывать то, что в США не было ни одной светлой страницы: что капитализм в Америке принес лишь нищету, эксплуатацию, уничтожение коренного населения, рабство, патриархат и господство «белого человека». Проект реформирования исторического знания в США «1619» ставит своей целью переписывание истории исходя из такого дискурса: в 1619 г. в Америку впервые ввезли рабов, именно это событие положило основу американскому процветанию и все 400 лет после этого успехи европейцев были куплены ценой рабства черных, женщин, коренного населения и сексуальных меньшинств. Цель этого проекта носит вполне политический характер: его задача — дискредитации принципов республики и отцов-основателей и замена их на прогрессивные идеи Большого государства, которому крайне важно иметь общество, раздираемое групповыми конфликтами. Трайбализм — вот итог такой политики.

Хотя рабство действительно было в США до 1863 г. (в северных штатах оно исчезло задолго до Гражданской войны), но оно много где было, причем задолго до образования США, однако в этих странах не было видно как экономических успехов, так и политического прогресса. Невозможно объяснить успехи Америки лишь наличием института рабства в определенный период истории. Тогда бы Южная Америка была богаче Северной, что не так. Автор этой книги, естественно, не оправдывает рабство, его позиция состоит в том, что существует некий фактор «X», который определил успех США. Видимо,

² Перевод Григория Сапова.

о нем писал Уильям Стэнли Джевонс в своей работе, посвященной политической экономии:

«Северная Америка — страна чрезвычайно богатая, обладающая землей с обильной растительностью, залежами каменного угля, рудоносными жилами, реками, полными рыбы, лесами дорогих древесных пород, словом, всевозможным материалом, какого только можно желать. А между тем американские индейцы прожили в бедности тысячелетия на этой самой земле, потому что они не обладали ни необходимыми познаниями, ни необходимой энергией, чтобы быть в состоянии надлежащим образом пользоваться этими природными агентами и извлекать из них богатство. Этот факт доказывает нам ясно, что умелый труд, разумный и регулярный, для производства богатства необходим» [Джевонс 2021: 373]. Как мы знаем, трудолюбия первым поселенцам было не занимать. Но нужны были также определенные институты. Институты свободного рынка.

Экономист пишет книгу про США

Преподавая экономическую теорию больше двадцати лет в российских, европейских и американских вузах, я не раз сталкивался с необходимостью рассказать не только об абстрактных принципах своей науки, но и о том, как события прошлого могут проиллюстрировать экономический образ мышления. Особенно моих слушателей всегда интересовали кейсы из истории США: Великая депрессия, ипотечный бум и кризис 2007–2009 гг., stagflation, появление доллара и создание ФРС. Несложно понять почему. Все эти сюжеты стали частью массовой культуры. Однако нельзя сказать, что я готов был рекомендовать одну книгу, которая бы рассказала об экономической истории США. Хотя, конечно, хватало и хватает хороших монографий по определенным периодам американской истории [Ротбард 2012; Фолсом 2012], но никто, кажется, не написал обобщающую работу, которая бы рассматривала экономическую историю США в ее связи с экономической теорией³. Видимо, прав был Бертран Рассел в своей «Истории

³ Добротная книга «Капитализм в Америке: История» Алана Гринспена и Адриана Вулдриджа [Гринспен, Вулдридж 2020] ближе всего к задачам

западной философии», что, хотя у обобщающего труда, написанного одним автором, есть свои недостатки, тем не менее у такого подхода существует и как минимум одно преимущество: он может видеть целое и создавать книгу, исходя из своей логики, видя связи там, где узкий специалист их не видит⁴. В таких случаях принято писать: «Я всегда мечтал иметь книгу по этому предмету, но так как не нашел ее у других авторов, то решил написать ее сам». Фактически так и произошло.

Я старался написать книгу как иллюстрацию фундаментальных принципов экономической теории. Это своего рода приложение к курсу Economics 101 (вводный курс по экономике). Каждый студент на Западе, изучающий экономику, должен прослушать вводный курс Economics 101, где излагаются базовые законы: закон спроса и предложения, закон предельной полезности, закон непреднамеренных последствий и т. д. И хотя курсы по экономике в современном формате были созданы в США Полом Самуэльсоном [Samuelson 1948], нельзя сказать, что они меня устраивали, особенно в разрезе экономической истории. Мне всегда казалось, что экономическая история — один из разделов экономической науки, который должен изучить каждый студент⁵. Однако

моего исследования. Это экономическая история с момента прибытия пилигримов до начала XXI в. Однако в ней почти не уделяется внимание истории экономической мысли в США и влиянию переселенцев на экономическую и политическую историю США. В этом отношении важным дополнением можно считать пятитомный труд Джозефа Дорфмана «Экономическая мысль в Америке» [Dogfman 1966], который был научным руководителем Мюррея Ротбарда. Однако книга доводит исследование до 1945 г. и нуждается в дополнительном материале. Наведение мостов между исследованием Гринспена и Дорфмана — одна из задач «американской модернизации».

⁴ Всем известна история про «специалиста по первым двадцати минутам Великой французской революции». Как писал Рассел: «Сотрудничество многих авторов связано с известными изъянами. Если имеется какое-либо единство в развитии истории, если существует внутренняя связь между тем, что было раньше, и тем, что имело место позже, то для изложения этого совершенно необходимо, чтобы ранний и поздний периоды были синтезированы одним ученым» [Рассел 2000: 19].

⁵ Представители австрийской экономической школы (начиная с Карла Менгера) преподавали три блока дисциплин: экономическую теорию, экономическую историю и историю экономических учений [Менгер 2005].

современные тенденции приводят к тому, что не только курсы по экономической истории практически исчезли из программ университетов, но и вводный курс по экономике заменяется курсом по эконометрике. Как результат, представление экономистов об экономике и ее истории оказывается крайне неудовлетворительным.

Почему экономист решил написать книгу о США? Действительно, может показаться странным, что экономист взялся за такую тему, — скорее, это тема для историка или политолога. Однако эта книга не просто об истории США — она именно об экономической истории США. И для ее написания необходимо знать принципы экономической науки, так как экономическая история — один из трех фундаментальных разделов экономической науки, поэтому нет ничего удивительного в том, что экономист взялся за такой труд. Историкам это, естественно, не запрещено.

Есть еще одна причина того, почему экономист берется писать книгу о США: экономика США является крупнейшей экономикой мира (в долларовом выражении) и продолжает оказывать воздействие на процессы, происходящие в мировой экономике. Курс доллара интересует людей во всем мире, так как это наиболее ликвидная национальная валюта мира.

Еще одна причина написания книги связана с возможностью проведения экономических реформ и модернизации в развивающихся странах: от того, какой в конкретный период истории является экономика США, зависит многое в вероятности успешной модернизации развивающихся стран. Дело в том, что экономический и/или политический кризис в США сказывается на том, кого хотят видеть своим авторитетом лидеры стран, нуждающихся в модернизации. Политикам-антиглобалистам легче привлечь голоса избирателей, когда страна — мировой лидер — переживает сложнейшие финансовые и политические проблемы. Вероятность успешных реформ больше тогда, когда развитые страны, в том числе США, на подъеме. Поэтому важно исследовать связи между политическими и экономическими процессами в развитых и развивающихся странах. В главе 6 настоящей книги этому уделяется особое внимание.

Особый подход к истории: австрийская школа экономики

Следует прямо и открыто заявить, что эта книга написана с вполне определенной точки зрения — с позиции австрийской экономической школы. На подход автора наибольшее влияние оказали труды Людвиг фон Мизеса, Фридриха фон Хайека и Мюррея Ротбарда, а также современных представителей австрийской школы (Йорг Гвидо Хюльсманна, Уэрта де Сото, Ганс-Герман Хопше, Джозеф Салерно, Ултер Блок и др.). Книга является первой обобщающей работой по всей экономической истории США, написанной с указанных позиций. Это не означает, что другие подходы неплодотворны, интересующиеся могут найти аргументы в пользу такого подхода в конце книги в приложении⁶. Методология книги специально отнесена в приложение для того, чтобы читатель не погрузился в скучную теоретическую часть и смог увидеть эту методологию в действии на примере экономической истории США с первых страниц книги. Те же, кто хочет начать с методологии, могут сперва прочитать приложение, где говорится о ней

⁶ Российский экономист В. С. Автономов в рецензии на мою книгу «Ретроспектива экономической мысли» отметил, что в ней проводится жесткое деление на «правильные» и «неправильные» школы экономики и что это напоминает марксистский взгляд на историю идей, который, как известно, господствовал в СССР: «Книга представляет собой идеологически ангажированную историю экономической мысли, написанную с точки зрения неоавстрийской школы. Ангажированность проявляется в том, что с данной точки зрения в истории выделяются правильные и неправильные экономические идеи. Это напоминает марксистские монографии на ту же тему, только герои и злодеи здесь совсем другие». Однако отличие этой книги от марксизма колоссально. Я вовсе не настаиваю на том, что другие подходы запрещены или непродуктивны. Исходя из целей исследования, выбирается наиболее подходящий метод; если кто-то сочтет иной метод более продуктивным, я не могу и не хочу ему препятствовать, что было совершенно не так в СССР. Да и выбор из бесконечного множества подходов своего (т. е., с точки зрения исследователя, «правильного») неизбежен не только для марксиста, но и для любого автора. Деление идей на «правильные» и «неправильные» идеи не делает человека марксистом.

и где даны ссылки на классические работы по методологии австрийской школы. Тем не менее хотелось бы кратко об этом сказать уже здесь.

Существует несколько причин для выбора подхода австрийской экономической школы. 1) До настоящего времени не было написано работы по всей истории США с позиции австрийской экономической школы. Хотя были опубликованы прекрасные исследования по тем или иным периодам истории США (в частности, труды Ротбарда, о которых упомяну ниже). 2) Принципиальная особенность подхода австрийской экономической школы — в последовательном методологическом индивидуализме. В конечном счете, как любила говорить Маргарет Тэтчер, не существует никакого общества, есть лишь отдельные семьи и индивиды. Общества как единого субъекта нет, это лишь социальный конструкт. Если мы не будем об этом забывать, то история США (да и любой страны) превратится в описание человеческой деятельности в определенный момент времени. Действуют всегда отдельные люди, а не классы, нации или иные абстракции. Историк, как и любому исследователю в социальных науках, нужно последовательно реализовать принцип того, что единственными действующими субъектами являются конкретные люди. Не могут «решать», «думать», «страдать», «получать пользу» такие социальные понятия, как «общество», «государство», «класс», «нация», «гендер», «богатые», «капиталисты», «рабочий класс». Все эти агрегаты суть абстракции, иногда они могут быть полезными как упрощающий знак, но не следует забывать, что, например, «богатые» не могут быть заинтересованы в чем бы то ни было, так как у них разные интересы, и если одним выгодно иметь низкие налоги, то другим, особенно получающим средства из бюджета, выгодно прямо противоположное. Поэтому описывать историю США как историю классовый борьбы методологически некорректно. Не существует «класса» как единого действующего субъекта, а есть люди, которые действуют исходя из своих конкретных интересов и идей. В этом суть методологического индивидуализма. Этот подход вовсе не означает, что все акторы ведут себя рационально, они могут ошибаться и часто ошибаются. В вопросе о том, что все люди ведут себя рационально (или иррационально), тоже следует «не обобщать без надобности» (как известно, Уильям Оккам призывал «не умножать сущности без надобности»). Разные люди ведут себя по-разному в разных обстоятельствах.

Выше я описал проект «1619» и его цели. Но есть и другая альтернатива. Можно рассматривать историю США не с позиций коллективизма и трайбализма, а с позиции последовательного индивидуализма. Тогда мы не позволим себе выносить суждение, что «все белые — злодеи» или что «все мужчины — насильники»⁷. Надо всегда смотреть на действия конкретного человека и не бояться деталей. Так поступал в своем исследовательском проекте Ротбард: его перу принадлежат фундаментальные работы по экономической теории: «Человек, экономика и государство» [Rothbard 2009], «Власть и рынок» [Ротбард 2010], «Государство и деньги» [Ротбард 2008]. Но не менее важная часть его научного наследия — четырехтомный труд об истории Америки до 1776 г. [Rothbard 1979]. На 2000 страниц Ротбард детально описывает историю американского народа на основе принципов австрийской экономической школы: методологический индивидуализм (действуют только отдельные индивиды) и методологический дуализм (метод науки о человеческой деятельности радикально отличается от метода естественных наук). Также значимой в этом отношении следует считать работу Ротбарда «Великая депрессия в Америке» [Ротбард 2012], посвященную экономической истории США в период Великой депрессии и Новому курсу Франклина Рузвельта. Современные исследователи австрийской экономической школы продолжают этот исследовательский проект Ротбарда.

Как появилась эта книга

Книга писалась довольно долго. Первые наброски возникли еще в 2013 г. С 2014 г. я работал над указанной выше проблематикой в Центре

⁷ См. книгу «Объясняя постмодернизм» Стивена Хикса [Хикс 2021]. Андреа Дворкин заявляет: «Все гетеросексуальные мужчины являются насильниками» — и поясняет, почему это так: «Нормальный половой акт воспринимается нормальным мужчиной как акт вторжения и овладения, совершаемый в хищнической форме. Женщина была собственностью мужчин как жена, проститутка, сексуальная и репродуктивная прислуга. Быть любовницей или собственностью — это по-прежнему, в сущности, равнозначный опыт в жизни женщины. Он владеет тобой... Половой акт выражает характер владения: он владеет тобой изнутри» [Dworkin 1987: 63, 66].